

Государство и ксенофобия: политические ошибки на властном уровне как главная проблема в процессе формирования инклюзивных обществ

Энгель Валерий Викторович — кандидат исторических наук, директор Центра изучения экстремизма и радикализма при Московском экономическом институте, член экспертной группы Департамента по борьбе с терроризмом СБ ООН, г. Москва.

Инклюзивное общество — это то общество, которое принимает и уважает добровольную самоидентификацию своих членов, гарантируя им равные права в политической, экономической и культурной жизни независимо от их расовой, этнической, религиозной, лингвистической и иной принадлежности. Степень инклюзивности общества напрямую зависит от уровня доверия и толерантности между различными социальными группами и определяется тремя факторами: равенством прав, наличием разнообразия в обществе и эффективностью интеграционных процессов.

При этом равенство — это, прежде всего, равенство перед законом, равная защита со стороны закона, а также устранение любых препятствий на пути к равенству. Равенство подразумевает также эффективную борьбу с дискриминацией меньшинств.

Разнообразие — это признание и действенные гарантии обеспечения того, что современное общество многослойно и множественно, состоит из индивидуумов, относящих себя к разным культурам, религиям, лингвистическим группам и т. д. Интеграция — это непосредственно

процесс создания инклюзивного общества на базе разнообразия и равенства прав. Это всегда улица с двухсторонним, а не с односторонним движением. Попытки представить интеграцию как процесс включения меньшинства в конкретное большинство — это попытки выдать ассимиляцию за интеграцию.

Очевидно, что, если государство ставит своей целью создание инклюзивного общества, оно должно исключить из своей деятельности все, что препятствует достижению этого. Тем не менее анализ политики современных государств в сфере обеспечения равенства и разнообразия, проведенный Центром изучения экстремизма и радикализма при Московском экономическом институте (ЦИЭР) показывает, что большинство из них далеки от поставленных целей. Мы систематизировали политические ошибки, которые чаще всего совершало руководство целого ряда стран, и получили следующую картину:

Ошибки в сфере обеспечения равенства

Прежде всего, обеспечение равенства касается законодательной базы. Для обеспечения мира и согласия в обществе

законодательство не должно содержать положений, обеспечивающих неравенство для представителей каких-либо рас, социальных, религиозных, этнических и других групп населения. Существует ошибочная точка зрения, что современное законодательство, особенно в европейских странах, давно лишилось любых дискриминационных признаков.

В качестве примеров этнического неравенства в законодательстве демократических стран можно привести закон о негражданах в Латвии и Эстонии, который де-факто распространяется только на этнических немцев и неэстонцев (Latvijas likums, 2007); израильский закон под названием «Основной закон: Израиль — национальное государство еврейского народа», который гарантировал право на самоопределение только еврейскому народу и ликвидировал статус арабского языка как второго государственного (Основной Закон, 2019); закон «О коренных народах Украины» (ВВР, 2021, №38), а также целый ряд разъяснений к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в (РКНМ), сделанный 18 государствами из 39 участников, которые лишили прав целый ряд т. н. некоренных народов в странах Европы (Framework Convention, 1995).

Очевидно, что все эти законы преследовали свои политические цели, которые соответствовали концепции национального государства этих стран. Они являются вполне корректными с точки зрения местного законодательства, но по факту они обеспечили преимущество своему этническому большинству и тем небольшим народам, которые они считают

наиболее ему близкими. Однако это не просто раскололо политическую нацию по этническому принципу, но и стало источником ксенофобских настроений.

Так же обстоят дела и с религиозным неравенством. Законодательные ограничения на деятельность тех или иных религиозных общин, закрепление приоритета за определенными религиозными правовыми системами — все это до сих пор характерно для многих стран мира. Такие ограничения создают предпосылки для дискриминации религиозных меньшинств, повышают напряженность в обществе и содействуют формированию ксенофобских настроений как со стороны меньшинства, так и со стороны большинства.

В итоге создается ситуация, когда приоритет ценностей религии большинства в законодательстве формирует риски, связанные с расколом политической нации уже по религиозному признаку, способствует разжиганию ненависти и ксенофобских настроений среди различных религиозных групп населения.

Как правило, нарушение принципа равенства прослеживается не только в области права, но и в области правоприменения, даже если законодательство страны в целом соответствует демократическим требованиям. Мониторинг ксенофобии и радикализма в странах ОБСЕ за 2018–2020 гг, проведенный ЦИЭР (Xenophobia, 2021), выявил многочисленные случаи нарушений такого рода в семи сферах правоприменения:

1. Расовое и религиозное профилирование в правоохранительных органах.

Так, в октябре 2020 года Управлением национальной статистики Великобритании были опубликованы статистические данные, которые свидетельствовали о том, что у чернокожих в восемнадцать раз больше шансов быть остановленными полицией страны, чем у белых (Vikram, 2020). Проблему расового профилирования полиции признал и президент Франции Э. Макрон. В интервью интернет-изданию «Брут» 4 декабря 2020 г. он признал, что полиция в большей степени, чем другие граждане, склонна уделять внимание небелому населению (Emmanuel Macron-Brut, 2020).

2. Институциональный расизм и дискриминация в судебных органах. Например, суды в Афганистане отказывают немусульманам в равном доступе к правосудию, даже когда немусульмане по закону имели те же самые права (2020 Report: Afganistan). Представители немусульманских религиозных меньшинств, включая сикхов и индуистов, сообщали о постоянной дискриминации на всех уровнях судебной системы¹.

3. Институциональный расизм и дискриминация в государственных социальных, образовательных и медицинских службах. В качестве примера можно привести случай, произошедший во Франции в 2016 году, когда одна из государственных компаний, возводивших социальное жильё, дважды была осуждена судами за дискриминацию по признаку этнического происхождения. Компания вводила квоты на предоставление жилья для выходцев из Африки и Карибского бассейна (INÉGALITÉS, 2016).

4. Институциональный расизм и дискриминацию со стороны

государственных органов, занимающихся наймом рабочей силы. Чем выше разнообразие и шире уровень представительства разных групп в различных государственных органах и службах, тем ниже там уровень институционального профилирования, однако этот принцип берется на вооружение далеко не везде. Так, комиссия по развитию Ирландии рассмотрела как случай, граничащий с институциональным расизмом, ситуацию, когда, начиная с 2014 года, в полицию не было зачислено ни одного выходца из стран Африки или Карибского бассейна (O'Keefe, C., 2017).

5. Институциональный расизм и дискриминация со стороны иммиграционных органов. Проблема расового профилирования в отношении иммигрантов и беженцев является одной из наиболее острых. До сих пор нередки случаи, когда иммиграционные службы проводят избирательную политику в отношении мигрантов, выделяя небелое население из третьих стран, в отношении которых практикуется дискриминационное отношение.

6. Государственные ограничения в отношении тех или иных меньшинств под предлогом обеспечения безопасности государства. Лучшим примером в данном случае является Исполнительный указ президента США Д. Трампа от 27 января 2017 года № 13769 «О защите нации от иностранного террора при въезде в Соединённые Штаты» (Executive Order, 2017). Этим указом президент Соединённых Штатов в целях борьбы с исламистскими террористами запретил краткосрочный въезд в страну всем иностранцам из Ирана, Ирака, Сирии, Ливии, Судана, Сомали и Йемена. Очевидно, что эти ограничительные меры носили как исламофобский,

¹ Информация касается периода до захвата власти талибами в августе 2021 года – прим. авт.

так и дискриминационный характер, направленный против граждан определенных стран, что содействовало повышению уровня ксенофобии по отношению к выходцам оттуда.

7. Предвзятое отношение государственных и глобальных СМИ, а также социальных сетей к группам меньшинств. Хорошо известен пример с глобальной социальной сетью Meta, которая 10 марта 2022 года, вскоре после начала специальной военной операции заявила о том, что в некоторых странах она снимает ограничения на призывы убивать российских солдат, президентов России и Белоруссии, а также русских «там, где становится ясно, что контекст — это вторжение России в Украину». Кроме того, Meta* временно разрешила «восхваление полка Азов (неонацистская вооруженная группа), хотя и исключительно в контексте защиты Украины» (Munsif Vengattil and Elizabeth Culliford, 2022).

Как видим, всего лишь семь форм институциональной дискриминации и расизма, нарушающие принципы равенства, создают самые разносторонние условия для ксенофобии и ненависти, а значит и для нестабильности в обществе.

Ошибки в сфере обеспечения разнообразия

Политика государств в области обеспечения разнообразия — это не только создание соответствующих институтов, которые позволяют это разнообразие поддерживать, но и гарантии, как уже указывалось, участия меньшинств в культурной жизни как своей социальной группы, так и общества в целом.

Ошибки государств в этой области могут привести как к ликвидации инфраструктуры для свободного развития личности в рамках выбранной идентичности, так и к выключению меньшинств из участия в культурной жизни общества в целом. Это в свою очередь ведет к насильственной ассимиляции или к созданию добровольных внутренних гетто, в которых замыкаются меньшинства для защиты своей идентичности. Как правило, это именно та среда, в которой эффективна радикализация части населения. Там проще формируется подпольная инфраструктура, обеспечивающая функционирование религиозной и культурной жизни, которая не контролируется государством. Именно там происходит идеологическая обработка молодежи со стороны радикалов.

Примерная классификация отдельных наиболее распространенных ошибочных действий властей, направленных против разнообразия и содействующих росту ксенофобских настроений в обществе, выглядит следующим образом:

1. Препятствия в регистрации и деятельности религиозных общин.

В т. ч. запреты на возведение объектов религиозной инфраструктуры и препятствия в отправлении религиозных культов; ограничения на использование атрибутов и религиозной одежды в повседневной жизни; запрет на религию вместо запрета на деятельность экстремистских и террористических организаций, прикрывающихся религией; целевой запрет на иностранное финансирование и привлечение иностранных священнослужителей для отдельных конфессий или религиозных организаций при отсутствии подобных ограничений

* Запрещенная на территории Российской Федерации экстремистская организация.

для других религий и конфессий; демонстративная поддержка государством одной из конфессий или религиозных организаций в ущерб другой в их внутренних спорах и т. д. Эта проблема, касающаяся как законодательства, так и правоприменения, является очень распространенной, причем не только в странах исламского мира, как принято считать.

2. Отказ от признания религиозных меньшинств. Отказ от признания религиозных меньшинств является наиболее тяжелым фактором для их представителей в силу того, что он подразумевает отсутствие каких-либо легитимных способов опротестовать такое решение. Например, законодательство Ирана не признает христианских прозелитов, т. е. лиц, принявших христианство, христианами. Они не могут регистрироваться, регистрировать брак и не имеют тех же прав, что и члены признанных христианских общин по рождению. Правительство Ирана также не признает протестантов-евангелистов христианами. Это не решения суда, а норма закона или традиционная практика, которую практически невозможно изменить.

Есть еще одна сторона вопроса — дискриминация атеистов и людей, не относящихся ни к одной из известных в стране религий через институт религиозного брака. Так, в Израиле запрещены светские браки, что заставляет тысячи израильтян, не являющихся евреями по религиозным канонам (галахе), а также не принадлежащими к другим религиям, выезжать за границу для заключения брака.

3. Отказ от признания национальных меньшинств, их традиционных приоритетов и институтов.

В т. ч. введение запретительных языковых квот в СМИ; криминализация использования негосударственных языков в негосударственной сфере; запрет на использование языков меньшинств в топонимике в местах их компактного проживания; криминализация деятельности по введению многоязычия и даже криминализация деклараций о таких намерениях, попыток сделать официальным другой язык в определенном регионе или в стране в целом.

Все это вызывает дальнейший раскол общества по этническому и языковому признаку, создает дополнительную напряженность и формирует среду для формирования новых ксенофобских стереотипов.

4. Запреты на занятия определенными видами деятельности на основании религиозного, этнического происхождения, гендерной принадлежности и т. д. Это наиболее болезненный фактор для меньшинств, поскольку он напрямую отражается на уровне и качестве их жизни. Запрет на профессию, на обучение, на занятие другими видами деятельности — это самый эффективный инструмент насильственной ассимиляции, но это и самый опасный инструмент создания условий для разжигания ненависти.

5. Преследование государством неправительственных организаций и политических партий, созданных меньшинствами для защиты своих прав, а также активистов, отстаивающих разнообразие в обществе. Это очень серьезная проблема, которая оказывает

непосредственное влияние на уровень ксенофобии в стране. Преследование правозащитников и политиков, занимающихся проблемами меньшинств всегда дает зеленый свет росту ненависти к той группе, которую они защищают. Эта группа для ксенофобского большинства автоматически переходит в разряд тех, в отношении кого возможны проявления ненависти или т. н. дозволенная ксенофобия. С другой стороны, такое преследование свидетельствует о нежелании властей предоставить меньшинству определенные права, за которые борются активисты, что создает напряженность и условия для роста ненависти уже внутри этой группы.

Как видим, отказы в признании и запреты регистрации организаций национальных и религиозных меньшинств, запрет заниматься им определенными видами деятельности, преследование лидеров и активистов этих организаций — вот довольно небогатый перечень мер, который тем не менее обеспечивает отсутствие разнообразия и препятствуют созданию инклюзивных обществ. Все эти действия имели следствием рост напряженности между разными социальными группами, усиление ксенофобских настроений и углубление раскола политической нации.

Ошибки в сфере интеграции

Как уже указывалось, интеграция — это многосторонний процесс создания инклюзивного общества, который охватывает как большинство, так и меньшинство, дорога с двусторонним движением, где изменениям подвергаются традиции и культура не только меньшинства, но и большинства. Такая интеграция считается эффективной, поскольку она ведет к созданию инклюзивного

общества на основе равенства и разнообразия и, при правильной государственной политике, уничтожает условия для репродукции ненавистнических настроений. Как правило, ошибки государств в области интеграции заключаются в том, что они, желая оставить в неизменности традиции и культуру большинства, рассматривают интеграцию как односторонний процесс, заключающийся во «включении» меньшинства в большинство. Но такая интеграция — это ассимиляция, а «включение» в большинство против воли меньшинства — это насильственная ассимиляция, что является формой расовой дискриминации и серьезным нарушением Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (International Convention, 1965).

Как правило, такая политика основывается на запрете деятельности религиозных институтов, а также институтов образования и культуры меньшинства, отмене образования на языках нацменьшинств, ограничениях на использование их языков и т. д. Все это граничит с культурным геноцидом, т. е. с уничтожением культуры и системы ценностей национального меньшинства, с выдавливанием его из страны. Такая политика неминуемо ведет к росту напряженности в обществе, формирует условия для ненавистнических настроений, заставляет часть представителей меньшинства покидать страну или искать альтернативу в виде полуподпольных учреждений образования, религии и культуры, а также иностранных онлайн программ, что, в свою очередь, создает среду для радикализации отдельных индивидуумов. В итоге вместо интеграции государство получает дезинтеграцию и риски, связанные с разделением

общества по религиозному, этническому или лингвистическому признаку.

Однако процесс интеграции крайне сложен. С одной стороны, уже упоминавшиеся принципы интеграции: добровольная самоидентификация индивидуумов; согласие всех членов общества в том, что они принадлежат к единому инклюзивному разнообразному государству; эффективное участие всех членов общества, включая меньшинства, в общественно-политических, социально-экономических и культурно-образовательных процессах, перманентный межкультурный, межрелигиозный и иной межгрупповой диалог — это основы стабильного государства. С другой стороны, эти основы должны исключать создание параллельных, изолированных друг от друга сообществ. Т. е. должен быть исключен риск сегрегации, который также не позволит создать инклюзивное общество.

В целом можно выделить следующие наиболее распространенные ошибки в области политики интеграции:

1. Ошибки в сфере образовательной политики. В т. ч. вытеснение языков и культур национальных меньшинств из системы образования; запрет на использование языков этнических меньшинств в образовательном процессе средних школ, а также дошкольных и высших учебных заведений; сокращение числа школ с преподаванием на языках национальных меньшинств; целевой запрет на домашнее обучение, ориентированный на представителей национальных и лингвистических меньшинств; насильственная сегрегация в сфере образования.

Очень часто такая политика прикрывается лозунгами о необходимости предоставить всем гражданам страны «равные возможности». Имеется в виду, что после ликвидации среднего образования на языках нацменьшинств, они смогут учиться в высших учебных заведениях на государственном языке. При этом, как правило, авторы этой концепции не упоминают, что прежняя система образования не исключала права индивидуума отдать своих детей в школу большинства, а также учиться в вузах на государственном языке для выпускников школ национальных меньшинств, которым выпускники владели в совершенстве. Фактически речь идет о лингвистической дискриминации, которая является новой формой современного расизма.

2. Другие ограничения прав национальных меньшинств.

В т. ч. вытеснение представителей национальных меньшинств с государственной службы; дискредитация меньшинств в глазах общественного мнения; социальная сегрегация; навязывание культуры и языка большинства меньшинству в бытовой сфере; выключение национальных меньшинств из политической жизни страны.

Вытеснение представителей меньшинств с госслужбы взаимосвязано с институциональным расизмом, о котором указывалось выше. Ярким примером было увольнение с государственной службы лиц, не владеющих государственными языками новых государств сразу же после распада СССР в начале 90-х гг. Тогда эти страны избавились от огромного числа русскоязычных специалистов высокого уровня. В XXI веке эта проблема также не теряет актуальности в целом

ряде стран, в т. ч. в бывшем Советском Союзе.

3. Дискриминация религиозных меньшинств. В т. ч. противодействие религиозным и культурным традициям меньшинств, создание неравных условий для представителей разных религий и конфессий. Все это не только препятствует процессу эффективной интеграции, но и разделяет общество, создавая предпосылки для роста ксенофобских настроений.

Нарушение прав религиозных меньшинств создает напряженность в обществе, ведет к росту ксенофобии и содействует формированию условий для радикализации как представителей религиозных меньшинств, так и представителей большинства, которые начинают рассматривать меньшинство как объект «разрешенной» ксенофобии и дискриминации.

4. Игнорирование государством мотива ненависти как отягчающего обстоятельства при расследовании уголовных дел и вынесении приговоров в судах. Данный фактор рассматривается не в контексте институционального расизма, который противоречит принципу обеспечения равенства, а в контексте политики насильственной ассимиляции, направленной против эффективной интеграции меньшинств. Игнорирование мотива ненависти — это плохой сигнал для всего общества. Он говорит о том, что государство либо не готово к противодействию экстремизму, либо не заинтересовано в этом противодействии по политическим причинам, прежде всего по причинам, связанным с желанием включить меньшинство в большинство и растворить его в нем вместо проведения политики эффективной интеграции.

И для меньшинства, и для большинства — это триггер к распространению ненависти. В целом это до сих пор проблема для многих стран мира. Так, например, в Великобритании соотношение между совершёнными преступлениями на почве ненависти и заведёнными уголовными делами составляло в 2016 году 25,1 %, в 2020 году этот показатель сократился до 13,4 %, причем до суда в 2020 году дошло 56,5 % уголовных дел. Иными словами, из всех зафиксированных преступлений ненависти до суда дошло лишь 7,5 % кейсов (ODIHR, United Kingdom). Причем Королевская прокуратура объясняет это спецификой работы полиции (UK Crown Prosecution Service, 2018–2019). На Украине из 170 уголовных дел по мотивам ненависти до суда дошло лишь 6 (ODIHR, Ukraine).

Все эти факторы не просто препятствуют общественной сплоченности, но создают идеальные условия для роста ксенофобии, распространения ненависти и радикализации.

5. Глорификация палачей. Глорификация и присвоение государственных наград коллаборационистам и палачам времен второй мировой войны — очевидное проявление косвенной ксенофобии, направленной против тех этнических групп, которые являлись жертвами в тот период. Такие действия со стороны государственной власти несут в себе очевидный меседж меньшинствам: мы не рассматриваем вас как часть единой нации, мы поддерживаем тех, кто преследовал ваших предков и нам не интересно ваше мнение по этому вопросу. Так, присвоение в свое время почетного государственного звания Героя Украины организаторам геноцида евреев и поляков в период

Второй мировой войны Степану Бандере и Роману Шухевичу очевидно вызвало напряженность со стороны представителей этих народов к украинцам и наоборот. Такой же эффект имел принятый 9 апреля 2015 года Верховной Радой — парламентом Украины закон «О правовом статусе и почтении памяти борцов за независимость Украины в XX столетии». В соответствии с этим законом «борцами за независимость» страны объявлялись палачи еврейского народа времен гражданской (1918–1920) и второй мировой войн — бойцы, входившие в состав Украинской повстанческой армии (УПА), известной сотрудничеством с нацистами и участием в физическом уничтожении евреев и поляков. Закон предусматривает уголовную ответственность за отрицание героической роли этих людей в истории страны (ВВР, 2015, № 25). Такой же эффект несет установка памятников палачам. Например, именем Симона Петлюры, при власти которого на Украине произошли наиболее страшные еврейские погромы времен гражданской войны 1918–1920 гг. были названы улицы в 18 городах Украины, а уже упоминавшемуся Степану Бандере, начиная с 90-х гг. было установлено 44 памятника.

То же самое касается награждения и поощрения различных политических деятелей и деятелей культуры, распространяющих ненависть. К примеру, 20 августа 2020 правительство Венгрии наградило орденом «За заслуги» историка Эрно Раффая, которого критиковали за распространение антисемитских взглядов. Координатор Европейской комиссии по борьбе с антисемитизмом Катарина фон Шнурбейн осудила Э. Раффая в сообщении в социальной сети за открытое распространение «антисемитских высказываний и мифов

о заговоре» (2020 Country Reports: Hungary).

Как видим, все эти ошибки препятствовали интеграции, а не способствовали ей, поскольку объективно содействовали разжиганию ксенофобии и были направлены не на создание инклюзивных обществ на базе уважения к культуре, истории и традициям как большинства, так и меньшинства, а на включение меньшинства в большинство, причем зачастую на основе чуждых меньшинству ценностей.

Вывод

Таким образом, мы видим, что ошибки государства в области обеспечения равенства, разнообразия и эффективной интеграции являются самым серьезным препятствием на пути создания инклюзивного общества, поскольку они создают такие политические препятствия, которые крайне сложно отменить. При этом они формируют новые предпосылки для развития ксенофобских настроений, которые запускают крайне негативные социальные процессы, имеющие очень серьезные последствия на протяжении десятилетий. Большинство этих ошибок связано с тем, что, в условиях меняющейся социальной среды, власти продолжают отстаивать монокультурность своего национального государства, а иногда даже разрушать элементы мультикультурности в своих странах для того, чтобы обеспечить главенство одной культуры или религии.

Поэтому говоря о преодолении этих ошибок, прежде всего необходимо ставить вопрос о том, готово ли государство искать другие формы обеспечения общественного единства

и сплоченности и, следовательно, также готово ли оно переформатировать само себя в пользу национального государства, созданного на базе надэтнических и надрелигиозных ценностей.

Список литературы:

1. Четвёртое заключение по Российской Федерации. Принято 20 февраля 2018 г. // Council of Europe, Консультативный комитет Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. URL: <https://rm.coe.int/4th-advisory-committee-opinion-on-the-russian-federation-russian-langu/1680908b0d> (дата обращения: 31.08.22).
 2. Закон України «Про корінні народи України» // Відомості Верховної Ради (ВВР), 2021, № 38, ст.319. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1616-20#Text>.
 3. Закон України «Про забезпечення функціонування української мови як державної» // Відомості Верховної Ради (ВВР), 2019, № 21, ст. 81. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19#Text>.
 4. Закон України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті» // Відомості Верховної Ради (ВВР), 2015, № 25, ст. 190. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text>.
 5. 2020 Report on International Religious Freedom: Afghanistan // U.S. Department of State, May 12, 2021. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/afghanistan/>.
 6. 2020 Country Reports on Human Rights Practices: Bulgaria // U.S. Department of State. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. March 30, 2021. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rights-practices/bulgaria/>.
 7. 2020 Country Reports on Human Rights Practices: Hungary // U.S. Department of State. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. March 30, 2021. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rights-practices/hungary/>.
 8. 2020 Report on International Religious Freedom: Afghanistan // U.S. Department of State, May 12, 2021. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/afghanistan/>.
 9. 2020 Report on International Religious Freedom: Iran // U.S. Department of State, May 12, 2021. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/iran/>.
 10. 2020 Report on International Religious Freedom: China // U.S. Department of State, May 12, 2021. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/china/>.
 11. 2020 Report on International Religious Freedom: Iran // U.S. Department of State, May 12, 2021. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/iran/>.
 12. ACT of 6 January 2005 on national and ethnic minorities and on the regional languages.
-

URL: http://ksng.gugik.gov.pl/english/files/act_on_national_minorities.pdf.

13. Anti-Muslim Legislation Dataset March 2019, online at: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1Lo8PPUAYHdkcfEzoiPFvgEnxWd6E3M0R0nIF-LyNrik/edit#gid=535258935>

14. Canadian Civil Liberties Association, "Bill-21: the Law against Religious Freedom". URL: <https://ccla.org/bill-21/>.

15. Council of Europe's anti-torture Committee calls on Greece to reform its immigration detention system and stop pushbacks // Council of Europe, 2020. URL: <https://www.coe.int/ru/web/cpt/-/council-of-europe-s-anti-torture-committee-calls-on-greece-to-reform-its-immigration-detention-system-and-stop-pushbacks>.

16. Consideration of reports, comments and information submitted by States parties under article 9 of the Convention (continued). Combined eighth to eleventh periodic reports of Turkmenistan // CERD/C/SR.2502, 9 December 2016, p.7. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fSR.2502&Lang=en.

17. The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan. Part IX: Islamic Provisions, art. 227. URL: <https://www.pakistani.org/pakistan/constitution/part9.html>.

18. Executive Order Protecting the Nation from Foreign Terrorist Entry into the United States, January 27, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-protecting-nationforeign-terrorist-entry-united-states/>.

19. Framework Convention for the Protection of National Minorities and Explanatory Report, 1995 // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/16800c10cf#:~:text=The%20framework%20Convention%20is%20the,the%20protection%20of%20national%20minorities>.

20. International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination // United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cerd.aspx>.

21. ODIHR Hate Crime Reporting: Poland. URL: <https://hatecrime.osce.org/poland>

22. ODIHR Hate Crime Reporting: United Kingdom. URL: <https://hatecrime.osce.org/united-kingdom>.

23. ODIHR Hate Crime Reporting: Ukraine. URL: <https://hatecrime.osce.org/ukraine>.

24. Report on Non-citizens and Minority Rights // European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CADL-AD\(2007\)001-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CADL-AD(2007)001-e).

25. UK Crown Prosecution Service, "Hate Crime Annual Report 2018–2019", p. 7. URL: <https://www.cps.gov.uk/sites/default/files/documents/publications/CPS-Hate-Crime-Annual-Report-2018-2019.PDF>.

26. Unites States Islamophobia Database, HAAS Institute Berkley, "Islamophobia", online at: <https://belonging.berkeley.edu/global-justice/islamophobia#islamophobia-database>.

27. AB 1. Oktober 2017: VERBOT GESICHTSVERHÜLLUNG IN ÖSTERREICH

//Polizei. URL: https://www.bmi.gv.at/bmi_documents/2090.pdf.

28. Emmanuel Macron et les “violences policières” // Brut, 2020.

URL: <https://www.brut.media/fr/news/emmanuel-macron-et-les-violences-policieres--24172b20-9dc8-42e6-9f05-f52acb63cf71>.

29. LOI n° 2021-1109 du 24 août 2021 confortant le respect des principes de la République // Legifrance.

URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/dossierlegislatif/JORFDOLE000042635616/>.

30. Elektronisko plašsaziņas līdzekļu likums // LATVIJAS REPUBLIKAS TIESĪBU AKTI. URL: <https://likumi.lv/ta/id/214039-elektronisko-plassazinas-lidzeklu-likums>.

31. Statistiques ethniques: que peut faire la statistique publique ? Que fait-elle ?, September 2015, <http://www.insee.fr/fr/insee-statistique-publique/default.asp?page=statistiquepublique/statistiques-ethniques.htm>.

32. Latvijas likums “Par to bijušās PSRS pilsoņu statusu, kuriem nav Latvijas vai citas valsts pilsonības”, 19.07.2007 // Likumi.Lv. URL: <https://likumi.lv/ta/id/77481-par-to-bijusas-psrs-pilsonu-statusu-kuriem-nav-latvijas-vai-citas-valsts-pilsonibas>.

33. Európai Parlament (2017): Jelentés a romániai integrációjának alapjogszempon történő a cigányellenességgel szembeni küzdelemről. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0294_HU.pdf?redirect.

34. Kolejna wizyta rzecznika w Opolu i Dobrzenu Wielkim – spotkanie mediacyjne w sprawie zmiany granic miasta // Biuletyn Informacji Publicznej RPO, 2016. URL: <https://bip.brpo.gov.pl/pl/content/kolejna-wizyta-rzecznika-w-opolu-i-dobrzenu-wielkim-spotkanie-mediacyjne-w-sprawie-zmiany-granic>

35. Wet gedeeltelijk verbod gezichtsbedekkende kleding, 2022. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0041161/2019-08-01>.

36. Rijksoverheid. Discriminatiecijfers in 2018, online at: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/rapporten/2019/04/16/discriminatiecijfers-in-2018>.

37. ידוהיה מעה לש מואלה תנידמ – לארשי דוסי-קוח // ימואלה הקיקחה רגאמ. Основной закон: Израиль — национальное государство еврейского народа, 2019. URL: <https://main.knesset.gov.il/Activity/Legislation/Laws/Pages/LawBill.aspx?t=lawsuggestionssearch&lawit'emid=565913>.